Билюга Станислав Эдуардович
канд. полит. наук,
доцент факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова.
Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А (корпус В)
bilyuga@fgp.msu.ru

Горюнова Мария Егоровна
студентка 3-го года обучения
факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова.
Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А (корпус В)
mgoryunova.fgp@mail.ru

КОРРУПЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА*

Bilyuga Stanislav E.
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor,
Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University.
Moscow, Leninskie Gory, 1/13A (building B)
bilyuga@fgp.msu.ru

Goryunova Maria E.
3-year Student,
Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University.
Moscow, Leninskie Gory, 1/13A (building B)
mgoryunova.fgp@mail.ru

CORRUPTION AS A FACTOR OF SOCIO-POLITICAL DESTABILIZATION IN NEIGHBORING RUSSIA COUNTRIES: EXPERIENCE OF QUANTITATIVE ANALYSIS

*Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 23-78-01252).

Аннотация. События начала 2000-х гг. показали, что технологии смены власти путем «цветных революций» работают в странах с высоким уровнем восприятия коррупции при прочих равных проблемах в экономике, политике и обществе. Задача данного исследования — с помощью количественных методов изучить наличие связей и закономерностей между индексом восприятия коррупции и типами социально-политической дестабилизации, в частности для стран ближнего зарубежья как одной из нестабильных зон мира. Проведенный статистический анализ показал, что для этих стран существует статистически значимая положительная связь между индексом восприятия коррупции и различными индексами социально-политической дестабилизации. Полученный результат доказывает, почему революционные события XXI в. в рассматриваемом регионе происходят именно в тех странах, где уровень восприятия коррупции имеет высокие значения.

Ключевые слова: *социально-политическая дестабилизация, индекс восприятия коррупции, индекс социально-политической дестабилизации, типы социально-политической дестабилизации.*

Abstract. The events of the early 2000s showed that the technologies of changing power through “color revolutions” work in countries with a high level of perception of corruption, other things being equal, problems in the economy, politics and society. The objective of this study is to study, using quantitative methods, the existence of links and patterns between the corruption perception index and types of socio-political destabilization, in particular, for neighboring countries, as one of the unstable zones of the world. The conducted statistical analysis showed that for neighboring countries there is a statistically significant positive relationship between the value of the corruption perception index and various indices of socio-political destabilization. The obtained result proves why the revolutionary events of the XXI century in the region under consideration occur precisely in those countries where the level of perception of corruption has high values.

Key words: *socio-political destabilization, index of corruption, index of socio-political destabilization, types of socio-political destabilization.*

Введение

В XXI в. отмечается рост социально-политической дестабилизации в странах по всему миру, и особенно в странах ближнего зарубежья. Так, исследователями был отмечен и теоретически изучен новый тип социально-политической дестабилизации государств — «цветная революция», приобретающий все большее распространение в регионе ближнего зарубежья. С развитием новых технологий изменяется и процесс социально-политической дестабилизации: появляются новые способы его осуществления, разрабатываются новые схемы проведения, учитываются ошибки, приведшие к провалу «цветных революций» и т.д. Такие тенденции бросают вызов исследователям — необходимо тщательное изучение факторов, оказывающих влияние на социально-политическую стабильность государства, и разработка технологий, обладающих способностью противостоять угрозам. Для достижения этой цели одними

из самых эффективных способов являются моделирование и прогнозирование процесса социально-политической дестабилизации, а также количественный анализ влияния отдельно взятых факторов на социально-политическую ситуацию в государстве. На этой основе можно лучше оценить реальную ситуацию в государстве и возможные социально-политические риски. В статье предприняты попытки изучения наличия взаимозависимости индекса восприятия коррупции и типов социально-политической дестабилизации посредством количественного анализа.

Влияние фактора коррупции на социально-политическую нестабильность в различных странах мира рассматривалось в работах многих исследователей [3, 7—9, 10, 12]. Само понятие «коррупция» появилось давно: оно было известно еще в Древнем Риме и даже было внесено в существовавшие тогда законы. Конечно, в то время это понятие рассматривалось скорее с юридической точки зрения: людей интересовала «коррупция» в качестве уголовного преступления, в частности их интерес заключался в разработке справедливого наказания за данное преступление.

Теоретическим аспектом коррупции ученые заинтересовались только в XX в., хотя стоит отметить, что и на более ранних этапах ученые гуманитарных направлений стремились описать коррупционные процессы и дать им характеристики. Например, в эпоху Возрождения известный политический деятель Н. Макиавелли сравнивал коррупцию с болезнью, которую изначально тяжело распознать, но легко вылечить, а с течением времени, наоборот, коррупционные процессы легко узнаются, но противодействовать им уже тяжело [6]. Более основательно к этому вопросу подошли исследователи XX в. В 1904 г. Г. Форд одним из первых приступил к изучению теоретического аспекта коррупции: в своих трудах он сопоставил коррупцию в США и Великобритании [21]. Однако больший интерес вызвала монография «Коррупция в американской политике и жизни» Р. Брукса [18]. В ней внимание акцентировалось на рассмотрении повседневной практики коррупционного взаимодействия. После научных трудов Брукса [17, 18] ученые вновь обратились к коррупции только к середине XX в., когда была опубликована монография Г.Г. Вилсона «Конгресс: коррупция и компромисс» [33], а затем появились публикации небезызвестного ученого в области политической теории Дж.С. Найя [27], также свой вклад в развитие теории о коррупции внесла С. Роуз-Аккерман [28]. К концу XX в. все больше исследователей обращались к теме коррупции. В частности, в Российской Федерации вследствие распада СССР показатели коррупции резко подскочили, соответственно, у российских ученых появилась особая потребность в изучении коррупционных процессов с целью противодействия им. Коррупционные процессы до сих пор активно исследуются: помимо классического изучения теоретических аспектов коррупции, ученые начали изучать влияние коррупции на государство, используя для этого количественные методы анализа, составляя индексы и модели с целью создания прогнозов.

Исследователи дают разные определения понятия «коррупция». Некоторые настаивают на том, что необходимо разграничивать понятия «коррупция», «политическая коррупция» и «бюрократическая коррупция». Таким образом, в первую очередь необходимо рассмотреть существующие понятия «коррупции» и определить, какие характеристики ее определяют.

Лексическая единица «коррупция» этимологически происходит от латинского «corruption», что на русский язык переводится как «порча, повреждение, искажение». Имя существительное «corruption» произведено от глагола «corrumpere» — «портить, разрушать, уничтожать» [14]. Таким образом, семантическое значение данной языковой единицы изначально включает в себя негативный оттенок, подразумевающий деструктивные процессы.

В Большой российской энциклопедии термин «коррупция» определяется как действия или бездействия со стороны должностного лица в целях получения каких-либо выгод от лица, дающего вознаграждение [1]. В качестве источника данной трактовки термина приводятся документы 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979). Понятие создавалось на основании международных документов, соответственно, оно более подходит для использования в международных переговорных процессах, чем в научной литературе: оно не содержит никакой научной информации, а лишь дает поверхностное описание коррупционного процесса.

Профессор МГИМО (Университета) МИД России Е.В. Охотский понимает понятие «коррупция» в качестве отдельного вида противозаконных и аморальных действий, напрямую направленных против общественности, государственной власти, государственной службы и заключающихся в сговоре должностного лица и лица, предлагающего сделку [8].

Профессор В.А. Шабалин делает акцент на том, что коррупция — это девиантное поведение индивидуума с целью личного обогащения. «Политической коррупцией» он называет отклоняющееся политическое поведение, заключающееся в неправомерном применении действующей политической элитой государственных ресурсов для расширения своих властных полномочий [13].

Н.В. Селихов в свое трактование включает и цель личного обогащения, и желание укрепить свою власть. В частности, он определяет элитарную, или политическую, коррупцию в качестве отклоняющегося от нормы поведения действующей политической элиты, противоправно использующей ресурсы государства и общественности с целью достижения личных интересов, обогащения и укрепления своей власти [11]. Трактовка Селихова является более полной и включает больше характеристик, чем интерпретации его коллег.

В данном исследовании за основу было взято следующее трактование: коррупция — это отдельный вид противозаконных и аморальных действий, напрямую направленных против общественности, государственной власти и государственной службы в результате сговора должностного лица и лица, предлагающего сделку.

Далее рассмотрим влияние фактора коррупции на социально-политическую нестабильность государства. Данный вопрос уже изучали многие исследователи (Е.А. Лазарев, М.А. Поплавский, С.Ю. Малков, М. Жерар, Н.С. Федоркин, И.В. Ищенко, В.М. Полтерович, В.В. Попов, А.С. Тонис, Е.Н. Максимова и др.). В их работах использованы разные методы его изучения, а сам фактор изучался многоаспектно.

Начать стоит с мнения Е.А. Лазарева, который считает, что в вопросе влияния коррупции на политическую стабильность в государстве нельзя сделать однозначных выводов, однако он находит, что коррупция может использоваться властями не только в качестве личного обогащения, но и в целях контролирования действий бюрократии и обеспечения лояльности влиятельных в политическом отношении групп [5].

М.А. Поплавский считает, что коррупция негативно сказывается не только на социально-политической нестабильности, но и на имидже страны и на инвестиционном рейтинге [10].

Профессор университета Париж-1 Пантеон-Сорбонна М. Жерар в научной статье, посвященной борьбе с коррупцией во Франции, подчеркивает, что коррупция ухудшает экономическое состояние страны, а также подрывает общественные отношения в государстве, поскольку является также и социальным феноменом [2]. Все это создает риски для социально-политической устойчивости государства.

Российско-украинский политолог И.В. Ищенко также рассматривает взаимосвязь между коррупцией и политической нестабильностью. Согласно его исследованиям, наибольшая зависимость влияния коррупции на политическую нестабильность прослеживается в переходных режимах [3].

Е.Н. Максимова рассматривает фактор влияния коррупции на нестабильность политической системы на основании деятельности политических элит [7]. Она делит деятельность элит на парентную и латентную, подразумевающую существование пространства с полулегальной или нелегальной деятельностью.

Таким образом, явление коррупции достаточно хорошо и детально изучено. На данный момент существует множество определений коррупции, различающихся в зависимости от того, в какой сфере она рассматривается.

Проблема влияния фактора наличия коррупционной деятельности на социально-политическую ситуацию в стране изучалась с применением качественного анализа множеством ученых. Так, часть исследователей заключает, что фактор коррупции значителен для социально-политической дестабилизации, в частности социально-политическая ситуация ухудшается в государстве при высоком уровне восприятия коррупции.

Что касается количественного анализа влияния коррупции на различные социально-политические и экономические процессы, необходимо отметить, что такие исследования также ведутся давно. Необходимо отметить, что они носят скорее экономический характер, например, изу-

чается влияние коррупции на распределение государственных расходов в сфере образования и здравоохранения [25], на инвестиции и экономический рост [15, 31, 32], на эффективное распределение ресурсов [24, 26]. Кроме того, исследуются процессы наличия или отсутствия влияния на образовательные процессы [29], мобильность населения [30], безработицу [22], благосостояние граждан [24], уровень преступности [19] и т.д.

Некоторые ученные делают попытки выявить уровень влияния коррупции на процессы социально-политической дестабилизации [25]. Так, один из главных теоретиков в области изучения революций Дж. Голдстоун выявил, что коррупция является важным фактором дестабилизации в Тайланде, Украине, Венесуэле и Боснии в 2014 г. [23]. При этом остается неисследованным, являются ли требования протестующих против высокой коррупции критически важной причиной, которая побуждала бы их к действиям.

Одним из немногих систематических эмпирических исследований стала работа [4], согласно которой индекс восприятия коррупции оказывает существенное влияние на попытки насильственных революций в странах с доходом населения до 25 тыс. долларов.

В настоящей статье предпринята попытка исследовать влияние фактора восприятия коррупции на различные типы социально-политической дестабилизации в странах ближнего зарубежья как одного из ключевых центров мира по дестабилизирующим явлениям на сегодня.

Материалы и методы

Для тестирования гипотезы об индексе восприятия коррупции как статистически значимом факторе социально-политической дестабилизации в качестве независимой переменной нами был выбран показатель индекса восприятия коррупции с 2000 по 2020 г. неправительственной организации Transparency International, работающей в более чем 100 странах с коррупцией [20].

Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index) был создан в 1995 г. в качестве сводного показателя, используемого для измерения восприятия коррупции в государственном секторе в разных странах мира. Индекс публикуется в январе каждого года и ранжирует более 170 стран по шкале от 0 (очень коррумпированная страна) до 100 (очень чистая от коррупции страна).

Индекс восприятия коррупции основан на 13 источниках данных, которые отражают оценки экспертов и бизнесменов по ряду коррупционных проявлений в государственном секторе, включая:

- взяточничество;
- нецелевое использование государственных средств;
- использование государственной должности в личных целях;
- кумовство на государственной службе;
- захват власти.

В некоторых источниках данных также рассматриваются механизмы, доступные для предотвращения коррупции в той или иной стране, такие как:

- способность правительства обеспечивать соблюдение механизмов неподкупности;
- эффективное судебное преследование коррумпированных чиновников;
- чрезмерное бюрократическое бремя;
- наличие адекватных законов о раскрытии финансовой информации, предотвращении конфликта интересов и доступе к информации;
- правовая защита информаторов, журналистов и следователей.

Несмотря на наличие достаточного больших методологических вопросов относительно индекса (проблема в сборе данных, различные трактовки определений и вопросов в разных странах и т.д.), индекс восприятия коррупции является наиболее широко используемым показателем, отражающим ситуацию с коррупцией в разных странах.

В качестве зависимых переменных была взята система показателей социально-политической дестабилизации из базы данных Cross-National Time-Series (CNTS), являющейся результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой А. Банксом в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных The Statesman's Yearbook, публикуемого с 1864 г. [16]. База данных содержит около 200 переменных для более чем 200 стран и годовые значения переменных, начиная с 1815 г., за исключением периодов двух мировых войн 1914—1918 и 1939—1945 гг. Такими показателями являются следующие переменные:

- политические убийства (domestic1);
- политические забастовки (domestic2);
- партизанские действия (domestic3);
- правительственные кризисы (domestic4);
- политические репрессии (domestic5);
- массовые беспорядки (domestic6);
- революции (domestic7);
- антиправительственные демонстрации (domestic8);
- агрегированный индекс социально-политической дестабилизации (domestic9) (рассчитывается как сумма произведений численных значений первых 9 подкатегорий и соответствующих им весов, умножается на 100 и делится на 8).

Для упрощения анализа и интерпретации значения индекса восприятия коррупции были разделены на 10 и превращены в значения шкалы от 0 до 10.

Анализ проводился для стран ближнего зарубежья, в число которых входят Армения, Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан, Украина, а также для Российской Федерации.

В качестве основного метода тестирования использовался классический корреляционный анализ исходных данных по 200 страно-годам за период с 2000 по 2020 г. На первом этапе были исследованы исходные данные без каких-либо дополнительных обработок. На втором этапе для получения более существенного результата данные индекса восприятия коррупции были разбиты по децилям, значения показателей социально-политической дестабилизации были агрегированы по средним значениям (более подробно использованная методика обработки данных будет описана ниже).

Результаты исследования

Рассмотрим динамику индекса восприятия коррупции и индекса социально-политической дестабилизации по странам ближнего зарубежья за период с 2000 по 2020 г. (рис. 1 и 2). Необходимо отметить, что значения индекса восприятия коррупции носят обратные значения, т.е. чем ниже уровень индекса (чем он сильнее стремится к нулю), тем хуже,

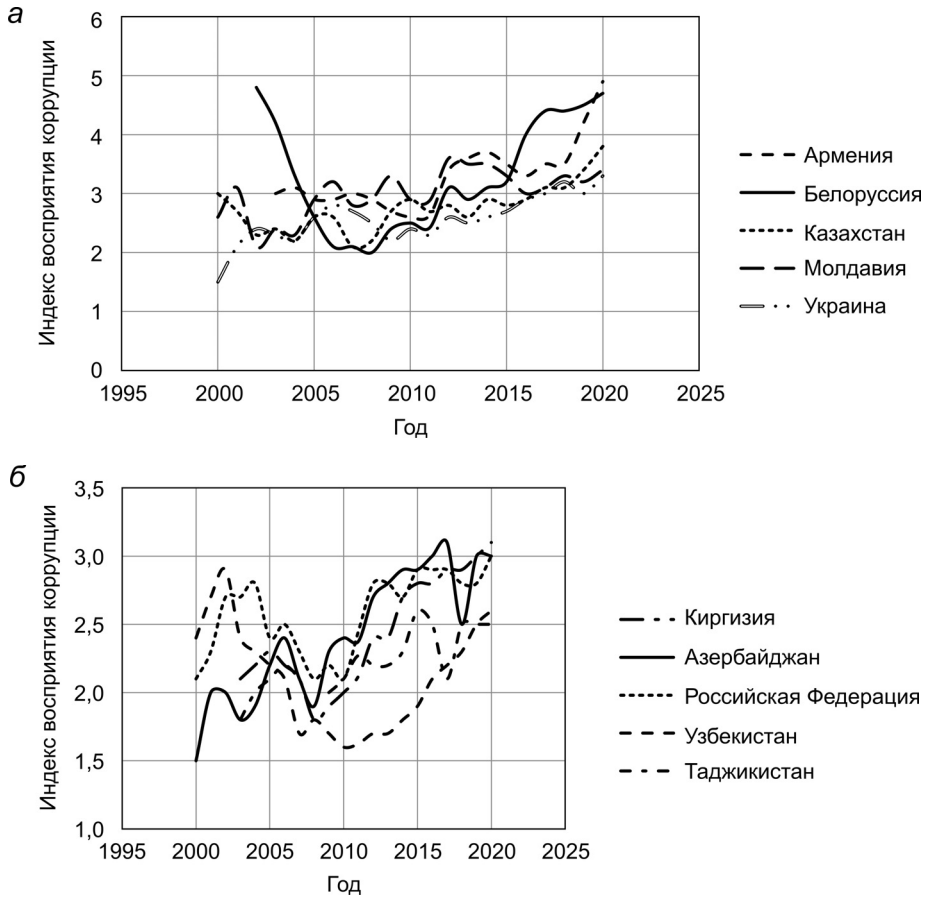

Рис. 1. Динамика индекса восприятия коррупции по странам ближнего зарубежья

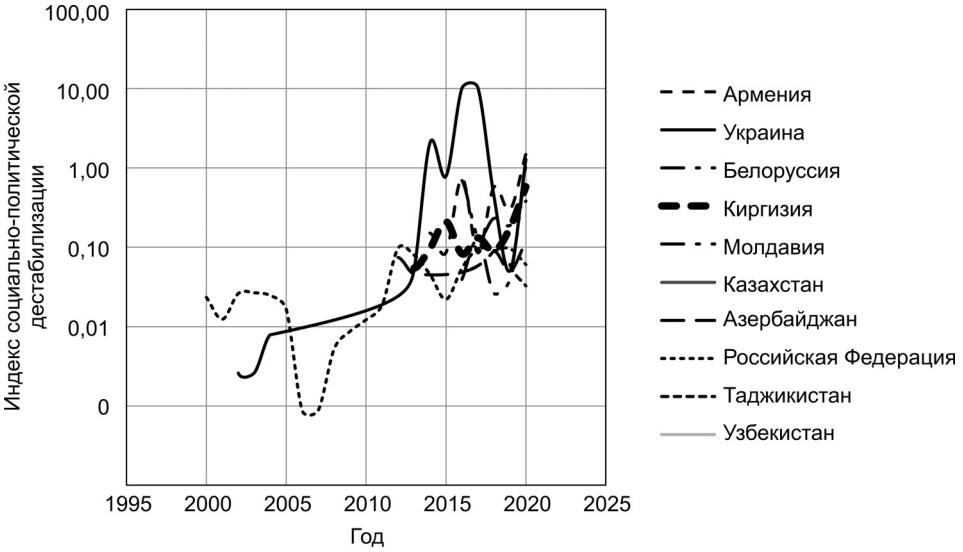

Рис. 2. Динамика удельного показателя агрегированного индекса социально-политической дестабилизации в странах ближнего зарубежья (за исключением Украины) на душу населения, логарифмический масштаб

по мысли авторов индекса, ситуация с коррупцией в стране, следовательно, чем выше уровень индекса (чем больше стремится к 10), тем ситуация с коррупцией более благоприятная.

Из графиков видно, что в период с 2005 по 2010 г. практически все страны ближнего зарубежья переживали ухудшение ситуации с коррупцией, однако с 2010 г. прослеживается постепенный переход на борьбу с коррупцией и улучшение ситуации.

Рассмотрим, как ведет себя агрегированный индекс социально-политической дестабилизации для тех же стран (рис. 2) (в силу большого разброса значений индекса графики даны в логарифмическом масштабе).

Приведенные графики в целом верно отражают процессы, которые происходили в той или иной стране — гражданская война на Украине с 2014 г., демонстрации на Болотной площади в 2011—2012 гг. в России, цветные революции в Киргизии, напряженная ситуация в Казахстане после ухода из власти Н. А. Назарбаева, а также как минимум две волны недовольств в Армении с 2018 г.

Таким образом, результаты внешнего сравнения графиков указывают на наличие определенных закономерностей и тенденций, которые необходимо проанализировать более детально с помощью методов количественного анализа.

Обсуждение

Проведем анализ корреляции индекса восприятия коррупции и различных типов социально-политической дестабилизации (табл. 1).

Таблица 1

Корреляционная матрица
между индексом восприятия коррупции
и различными типами социально-политической дестабилизации,
2000—2020 гг.

Типы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Коэффициент детерминации (R^2)	Уровень статистической значимости (p)
Политические убийства	–0,02	0,00	0,81
Политические забастовки	0,30	0,09*	<<0,001
Партизанские действия	0,05	0,00	0,46
Правительственные кризисы	0,06	0,00	0,37
Политические репрессии	0,20	0,04*	<<0,001
Массовые беспорядки	0,24	0,06*	<<0,001
Революции	–0,04	0,00	0,56
Антиправительственные демонстрации	0,31	0,10*	<<0,001
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,06	0,00	0,40

При количественном анализе этих двух переменных по исходным значениям без дополнительной обработки видно (табл. 1 и рис. 3), что данных слишком много, они ведут себя по-разному, а некоторые из них очень сильно отклоняются от всех остальных. Кроме того, показатель

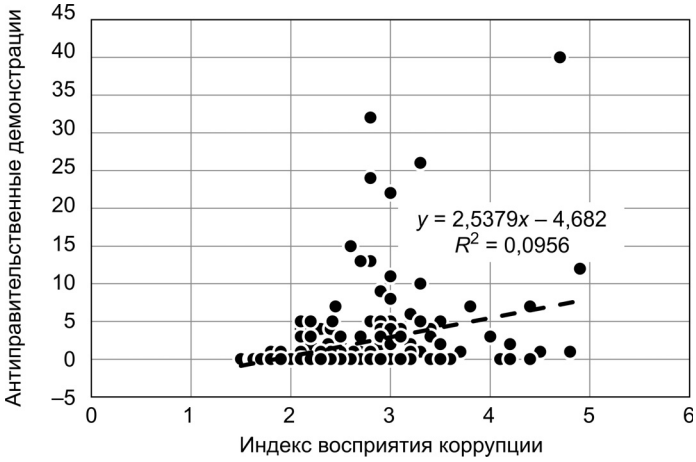

Рис. 3. Корреляция индекса восприятия коррупции с интенсивностью антиправительственных демонстраций (диаграмма рассеивания с наложенными контурами линейной регрессии)

Таблица 2

Корреляционная матрица
между децильным индексом восприятия коррупции
и различными типами социально-политической дестабилизации,
2000—2020 гг.

Типы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Коэффициент детерминации (R^2)	Уровень статистической значимости (p)
Политические убийства	–0,07	0,00	0,85
Политические забастовки	0,89	0,80*	<<0,01
Партизанские действия	0,19	0,04	0,60
Правительственные кризисы	0,07	0,01	0,84
Политические репрессии	0,34	0,11	0,34
Массовые беспорядки	0,83	0,69*	<<0,01
Революции	–0,33	0,11	0,35
Антиправительственные демонстрации	0,75	0,56*	0,01
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,23	0,05	0,53

Примечание: децили по индексу восприятия коррупции включают следующие значения: 1-й дециль — до 2,0; 2-й дециль — от 2,0 до 2,2; 3-й дециль — от 2,2 до 2,3; 4-й дециль — от 2,3 до 2,5; 5-й дециль — от 2,5 до 2,7; 6-й дециль — от 2,7 до 2,8; 7-й дециль — от 2,8 до 2,9; 8-й дециль — от 2,9 до 3,1; 9-й дециль — от 3,1 до 3,5; 10-й дециль — от 3,5 до 4,9.

коэффициента детерминации при таком анализе остается очень низким (для некоторых переменных он доходит до значения 0,1 при диапазоне от 0 до 1). Это указывает на необходимость предварительной обработки исходных данных с целью получения осмысленных результатов.

С этой целью на следующем этапе количественного анализа была проведена группировка исходных данных, при которой весь диапазон данных по конкретному показателю разбивался на 10 отрезков с одинаковым или почти одинаковым количеством точек внутри каждого отрезка, и каждый отрезок характеризовался одним агрегированным показателем, представлявшим собой среднее арифметическое всех первичных показателей, попавших в данный отрезок (такая обработка данных называется децильным анализом). После децильной обработки применялся тот же самый метод корреляционного анализа с использованием линейной регрессии (табл. 2).

Из табл. 2 видно, что после указанной выше обработки первичных данных для некоторых типов социально-политической дестабилизации (к ним относятся политические забастовки, массовые беспорядки и анти-

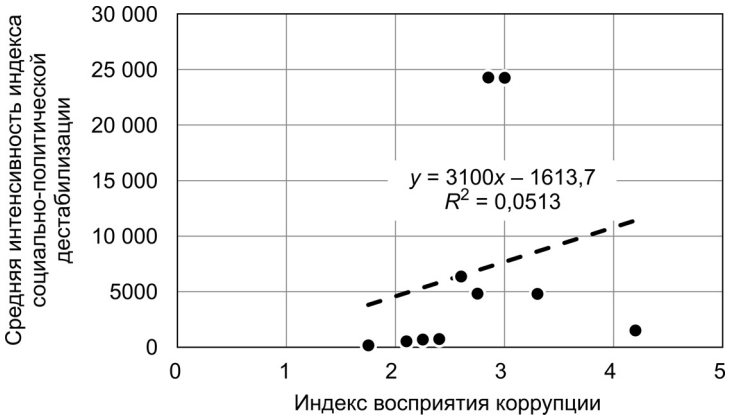

Рис. 4. Корреляция индекса восприятия коррупции со средней интенсивностью индекса социально-политической дестабилизации (диаграмма рассеивания с наложенными контурами линейной регрессии)

правительственные демонстрации) корреляционные связи выявляются более четко и характеризуются достаточно высоким значением коэффициента детерминации. На рис. 4—7 приведены корреляционные диаграммы для некоторых типов дестабилизации и для агрегированного индекса в целом. Проанализируем их.

Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации по-прежнему плохо скоррелирован с индексом восприятия коррупции (рис. 4), однако в отношении политических забастовок, массовых бес порядков и антиправительственных демонстраций корреляция имеет четко выраженный характер (рис. 5—7). При этом выявляется интересная закономерность: чем выше значение индекса восприятия коррупции

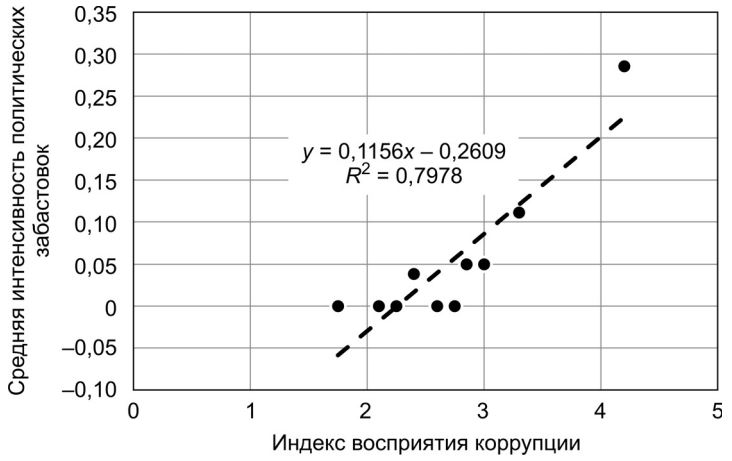

Рис. 5. Корреляция индекса восприятия коррупции со средней интенсивностью политических забастовок (диаграмма рассеивания с наложенными контурами линейной регрессии)

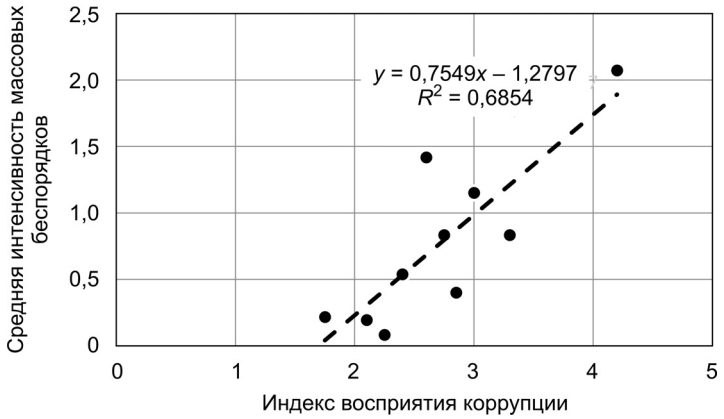

Рис. 6. Корреляция индекса восприятия коррупции со средней интенсивностью массовых беспорядков (диаграмма рассеивания с наложенными контурами линейной регрессии)

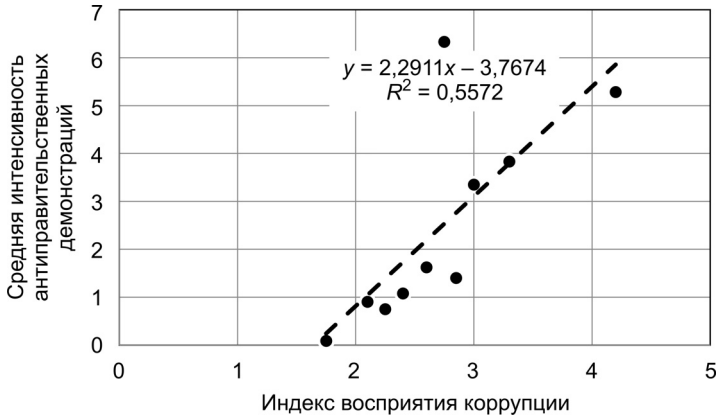

Рис. 7. Корреляция индекса восприятия коррупции со средней интенсивностью антиправительственных демонстраций (диаграмма рассеивания с наложенными контурами линейной регрессии)

Таблица 3

Корреляционная матрица
между децильным индексом восприятия коррупции
и различными типами социально-политической дестабилизации
для стран со значением индекса восприятия коррупции от 0 до 3,
2000—2020 гг.

Типы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Коэффициент детерминации (R^2)	Уровень статистической значимости (p)
Политические убийства	0,54	0,30	0,10

Окончание табл. 3

Типы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Коэффициент детерминации (R^2)	Уровень статистической значимости (p)
Политические забастовки	0,60	0,36	0,07
Партизанские действия	0,69	0,47*	0,03
Правительственные кризисы	0,17	0,03	0,64
Политические репрессии	0,54	0,29	0,11
Массовые беспорядки	0,57	0,33	0,09
Революции	0,29	0,08	0,42
Антиправительственные демонстрации	0,69	0,48*	0,03
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,70	0,50*	0,02

Примечание: децили по индексу восприятия коррупции включают следующие значения: 1-й дециль — до 1,9; 2-й дециль — от 1,9 до 2,1; 3-й дециль — от 2,1 до 2,2; 4-й дециль — от 2,2 до 2,32; 5-й дециль — от 2,32 до 2,5; 6-й дециль — от 2,5 до 2,6; 7-й дециль — от 2,6 до 2,7; 8-й дециль — от 2,7 до 2,8; 9-й дециль — от 2,8 до 2,9; 10-й дециль — от 2,9 до 3,0.

(т.е. чем ниже, по мысли авторов индекса, уровень коррупции в стране), тем выше интенсивность политических забастовок, массовых беспорядков и антиправительственных демонстраций.

Рассмотрим указанную корреляцию для стран, характеризуемых низким значением (от 0 до 3) индекса восприятия коррупции (по мысли ав-

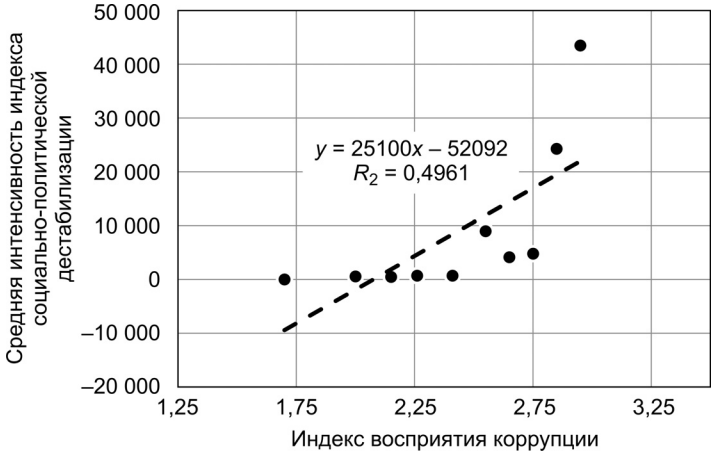

Рис. 8. Корреляция индекса восприятия коррупции со средней интенсивностью индекса социально-политической дестабилизации (диаграмма рассеивания с наложенными контурами линейной регрессии)

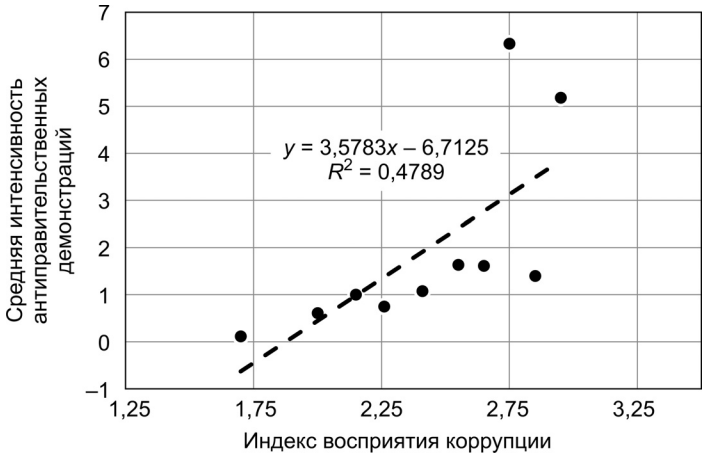

Рис. 9. Корреляция индекса восприятия коррупции со средней интенсивностью антиправительственных демонстраций (диаграмма рассеивания с наложенными контурами линейной регрессии)

торов индекса, это страны с высоким уровнем коррупции). Результаты корреляционного анализа с использованием линейной регрессии приведены в табл. 3 и на рис. 8 и 9.

В этом случае становится явной корреляционная связь индекса восприятия коррупции не только с отдельными типами социально-политической дестабилизации (рис. 9), но и с агрегированным индексом социально-политической дестабилизации (рис. 8), чего ранее не наблюдалось (рис. 4). При этом обращает на себя внимание, что лучшее качество корреляции достигается в том случае, если используется не линейная, а экспоненциальная регрессия (рис. 10 и 11 в сравнении с рис. 8 и 9). Это

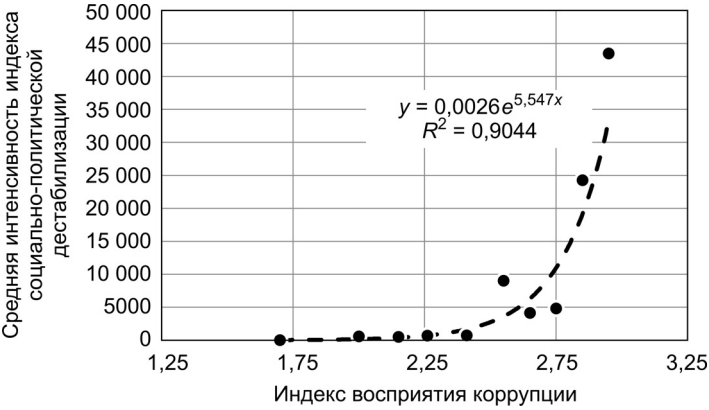

Рис. 10. Корреляция индекса восприятия коррупции со средней интенсивностью индекса социально-политической дестабилизации (диаграмма рассеивания с наложенными контурами экспоненциальной регрессии)

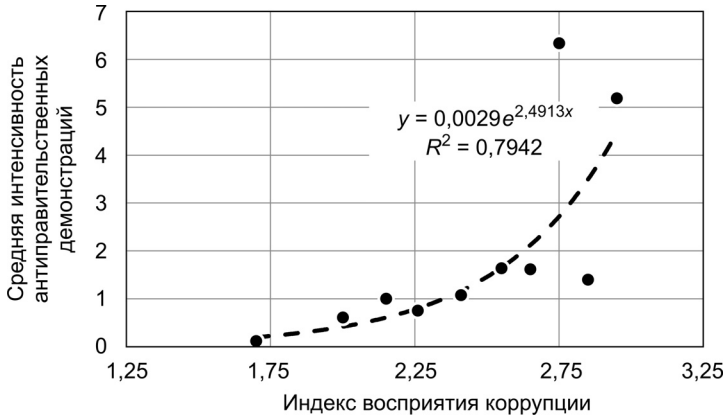

Рис. 11. Корреляция индекса восприятия коррупции со средней интенсивностью антиправительственных демонстраций (диаграмма рассеивания с наложенными контурами экспоненциальной регрессии)

указывает на то, что, скорее всего, мы имеем дело с нелинейным (по-видимому, пороговым) процессом.

Заключение

В данной статье были рассмотрены различные интерпретации понятия «коррупция». За основу было взято следующее определение: коррупция — это отдельный вид противозаконных и аморальных действий, напрямую направленных против общественности, государственной власти, государственной службы в результате сговора должностного лица и лица, предлагающего сделку.

Статистическая обработка большого объема информации, содержащегося в международных базах данных Cross-National Time-Series и Corruption Perceptions Index, показала, что для стран ближнего зарубежья имеют место значимые корреляционные связи между значениями индекса восприятия коррупции и различными типами социально-политической дестабилизации. Причем эти связи имеют нелинейный (по-видимому, пороговый) характер. Выявленные закономерности представляют несомненный интерес и дают стимул и основу для дальнейших исследований в области теоретического анализа социально-политических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая российская энциклопедия: В 35 т. / Под ред. Ю.С. Осипова. М.: Большая российская энциклопедия, 2004—2017.

2. *Жерар М.* Борьба против коррупции во Франции // Журнал российского права. 2012. № 7 (187). С. 34—40.

3. *Ищенко И.В.* Коррупция и политическая нестабильность: Ключевые аспекты взаимовлияния // Via in tempore. История. Политология. 2014. Т. 31, № 15 (186). С. 160—166.

4. *Коротаев А.В., Цирель С.В., Билюга С.Э.* Коррупция, ценности и попытки насильственных изменений государственной власти в странах с различным уровнем ВВП на душу населения: Опыт количественного, компаративного и корреляционного анализа // Сравнительная политика. 2019. Т. 10, № 1. С. 98—123.

5. *Лазарев Е.А.* Коррупция и политическая нестабильность: Институциональная перспектива // Полития. 2011. № 1(60). С. 50—68.

6. *Макиавелли Н.* Государь: Соч. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

7. *Максимова Е.Н.* Политические элиты как фактор нестабильности политической системы // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2, № 4. С. 36—49.

8. *Охотский Е.В.* Коррупция: Сущность, меры противодействия // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 25—32.

9. *Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С.* Концентрация доходов, нестабильность демократии и экономический рост // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45, № 1. С. 15—29.

10. *Поплавский М.А.* Коррупция как социальная проблема // Известия Саратовского университета. 2016. Т. 16, № 3. С. 304—306.

11. *Селихов Н.В.* Коррупция в государственном механизме современной России (теоретические аспекты): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

12. *Федоркин Н.С.* Политическая культура и коррупция: Грани совместимости // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 3. С. 35—47.

13. *Шабалин В.А.* Политика и преступность // Государство и право. 1994. № 4. С. 43—53.

14. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. Т. 2, вып. 8. М.: Издательство Московского университета, 1982.

15. *Aisen A., Veiga F.J.* How does Political Instability Affect Economic Growth? // European Journal of Political Economy. 2013. Vol. 29. P. 151—167.

16. *Banks A.S., Wilson K.A.* Cross-National Time-Series Data Archive. Databanks International. Jerusalem, Israel. URL: http://www.databanksinternational.com (дата обращения: 29.12.2022).

17. *Brooks R.C.* Attempted Apologies for Political Corruption // International Journal of Ethics. 1909. Vol. 19, N 3. P. 297—320.

18. *Brooks R.C.* Corruption in American Politics and Life. N.Y.: Dodd, Mead and Company, 1910.

19. *Buonanno P., Montolio D., Vanin P.* Does Social Capital Reduce Crime? // The Journal of Law and Economics. 2009. Vol. 52, N 1. P. 145—170.

20. Corruption Perception Index. URL: http://www.transparency.org/research/cpi/ (дата обращения: 02.09.2022).

21. *Ford H.J.* Municipal Corruption // Political Science Quarterly. 1904. Vol. 19, N 4. P. 673—686.

22. *Goldstone J.A.* Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies // Foreign Affairs. 2011. Vol. 8. P. 8—16.

23. *Goldstone J.A.* Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites them? // Russia Direct, 2014. URL: http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-andvenezuela-what-unites-them (дата обращения: 01.12.2022).

24. *Hessami Z.* Political Corruption, Public Procurement, and Budget Composition: Theory and Evidence from OECD Countries // European Journal of Political Economy. 2014. Vol. 34. P. 372—389.

25. *Mauro P.* Corruption and Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110, N 3. P. 681—712.

26. *Minkov M.* Predictors of Societal Accident Proneness across 92 Countries // Cross-Cultural Research. 2016. Vol. 50, N 2. P. 103—122.

27. *Nye J.S.* Corruption and Political Development: A Cost-Benefit Analysis // American Political Science Review. 1967. Vol. 61, N 2. P. 417—427.

28. *Rose-Ackerman S.* Reforming Public Bureaucracy through Economic Incentives // Journal of Law, Economics and Organization. 1986. Vol. 2, N 1. P. 131—161.

29. *Sacerdote B.* Peer Effects with Random Assignment: Results for Dartmouth roommates // The Quarterly Journal of Economics. 2001. Vol. 116, N 2. P. 681—704.

30. *Schneider F., Cooray A.* Does Corruption Promote Emigration? An Empirical Examination // Journal of Population Economics. 2016. Vol. 29. P. 293—310.

31. *Shabbir G., Anwar M.* Determinants of Corruption in Developing Countries // The Pakistan Development Review. 2007. Vol. 46, N 4. P. 751—764.

32. *Ugur M., Dasgupta N.* Corruption and Economic Growth: A Meta-Analysis of the Evidence on Low-Income Countries and Beyond // MPRA Paper N 31226. L.: University of Greenwich, 2011.

33. *Wilson H.H.* Congress: Corruption and Compromise. N.Y.: Rinehart, 1951.

REFERENCES

1. Osipov Yu.S. (ed.) 2004—2017. *The Great Russian Encyclopedia,* in 35 vol. Moscow, The Great Russian Encyclopedia. (In Russ.)

2. Gerard M. 2012. "The fight against corruption in France". *Journal of Russian Law,* no. 7 (187), pp. 34—40. (In Russ.)

3. Ishchenko I.V. 2014. "Corruption and political instability: key aspects of mutual influence". *Via in tempore. History. Political science,* vol. 31, no. 15 (186), pp. 160—166. (In Russ.)

4. Korotaev A.V., Tsirel S.V., Bilyuga S.E. 2019. "Corruption, values and attempts of violent changes of state power in countries with different levels of GDP per capita: experience of quantitative comparative and correlation analysis". *Comparative Politics,* vol. 10, no. 1, pp. 98—123. (In Russ.)

5. Lazarev E.A. 2011. "Corruption and political instability: an institutional perspective". *Politiya,* no. 1 (60), pp. 50—68. (In Russ.)

6. Machiavelli N. 2001. *Sovereign: Essays.* Moscow, EKSMO-Press. (In Russ.)

7. Maksimova E.N. 2021. "Political elites as a factor of instability of the political system". *Questions of Elitology,* vol. 2, no. 4, pp. 36—49. (In Russ.)

8. Okhotsky E.V. 2009. "Corruption: essence, counteraction measures". *Sociological research,* no. 9, pp. 25—32. (In Russ.)

9. Polterovich V.M., Popov V.V., Tonis A.S. 2009. "Income concentration, instability of democracy and economic growth". *Economics and mathematical methods,* vol. 45, no. 1, pp. 15—29. (In Russ.)

10. Poplavsky M.A. 2016. "Corruption as a social problem". *News of the Saratov University,* vol. 16, no. 3, pp. 304—306. (In Russ.)

11. Selikhov N.V. 2001. *Corruption in the state mechanism of modern Russia (theoretical aspects).* PhD thesis, Yekaterinburg. (In Russ.)

12. Fedorkin N.S. 2008. "Political culture and corruption: facets of compatibility". *Bulletin of the Moscow University, series 18, Sociology and Political Science,* no. 3, pp. 35—47. (In Russ.)

13. Shabalin V.A. 1994. "Politics and crime". *State and Law,* no. 4, pp. 43—53. (In Russ.)

14. Shansky N.M. (ed.) 1982. *Etymological dictionary of the Russian language.* Moscow, Moscow University Press, vol. 2, issue 8. (In Russ.)

15. Aisen A., Veiga F.J. 2013. “How does Political Instability Affect Economic Growth?” *European Journal of Political Economy,* vol. 29, pp. 151—167.

16. Banks A.S., Wilson K.A. 2022. *Cross-National Time-Series Data Archive.* Databanks International. Jerusalem, Israel. Available at: http://www.databanksinternational.com (accessed: 29.12.2022).

17. Brooks R.C. 1909. “Attempted Apologies for Political Corruption”. *International Journal of Ethics,* vol. 19, no. 3, pp. 297—320.

18. Brooks R.C. 1910. *Corruption in American Politics and Life.* New York, Dodd, Mead and Company.

19. Buonanno P., Montolio D. Vanin P. 2009. “Does Social Capital Reduce Crime?” *The Journal of Law and Economics,* vol. 52, no. 1, pp. 145—170.

20. Corruption Perception Index. Available at: http://www.transparency.org/research/cpi/ (accessed: 02.09.2022).

21. Ford H.J. 1904. “Municipal Corruption”. *Political Science Quarterly,* vol. 19, no. 4, pp. 673—686.

22. Goldstone J.A. 2011. “Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern autocracies”. *Foreign Affairs,* vol. 8, pp. 8—16.

23. Goldstone J.A. 2014. Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites them? *Russia Direct.* Available at: http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-andvenezuela-what-unites-them (accessed: 01.12.2022).

24. Hessami Z. 2014. “Political Corruption, Public Procurement, and Budget Composition: Theory and Evidence from OECD Countries”. *European Journal of Political Economy,* vol. 34, pp. 372—389.

25. Mauro P. 1995. “Corruption and Growth”. *The Quarterly Journal of Economics,* vol. 110, no. 3, pp. 681—712.

26. Minkov M. 2016. “Predictors of Societal Accident Proneness across 92 Countries”. *Cross-Cultural Research,* vol. 50, no. 2, pp. 103—122.

27. Nye J.S. 1967. “Corruption and Political Development: A Cost-Benefit Analysis”. *American Political Science Review,* vol. 61, no. 2, pp. 417—427.

28. Rose-Ackerman S. 1986. “Reforming Public Bureaucracy through Economic Incentives”. *Journal of Law, Economics and Organization,* vol. 2, no. 1, pp. 131—161.

29. Sacerdote B. 2001. “Peer Effects with Random Assignment: Results for Dartmouth roommates”. *The Quarterly Journal of Economics,* vol. 116, no. 2, pp. 681—704.

30. Schneider F., Cooray A. 2016. “Does Corruption Promote Emigration? An Empirical Examination”. *Journal of Population Economics,* vol. 29, pp. 293—310.

31. Shabbir G., Anwar M. 2007. “Determinants of Corruption in Developing Countries”. *The Pakistan Development Review,* vol. 46, no. 4, pp. 751—764.

32. Ugur M., Dasgupta N. 2011. *Corruption and Economic Growth: A Meta-Analysis of the Evidence on Low-Income Countries and Beyond.* MPRA Paper No. 31226. London, University of Greenwich.

33. Wilson H.H. 1951. *Congress: Corruption and Compromise.* New York, Rinehart.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

1. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya: V 35 t. / Pod red. Yu.S. Osipova. M.: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 2004—2017.

2. *Zherar M.* Bor'ba protiv korrupcii vo Francii // Zhurnal rossijskogo prava. 2012. № 7(187). S. 34—40.

3. *Ishchenko I.V.* Korrupciya i politicheskaya nestabil'nost': Klyuchevye aspekty vzaimovliyaniya // Via in tempore. Istoriya. Politologiya. 2014. T. 31, № 15(186). S. 160—166.

4. *Korotaev A.V., Cirel' S.V., Bilyuga S.E.* Korrupciya, cennosti i popytki nasil'stvennyh izmenenij gosudarstvennoj vlasti v stranah s razlichnym urovnem VVP na dushu naseleniya: Opyt kolichestvennogo, komparativnogo i korrelyacionnogo analiza // Sravnitel'naya politika. 2019. T. 10, № 1. S. 98—123.

5. *Lazarev E.A.* Korrupciya i politicheskaya nestabil'nost': Institucional'naya perspektiva // Politiya. 2011. № 1 (60). S. 50—68.

6. *Makiavelli N.* Gosudar': Soch. M.: EKSMO-Press, 2001.

7. *Maksimova E.N.* Politicheskie elity kak faktor nestabil'nosti politicheskoj sistemy // Voprosy elitologii. 2021. T. 2, № 4. S. 36—49.

8. *Ohotskij E.V.* Korrupciya: Sushchnost', mery protivodejstviya // Sociologicheskie issledovaniya. 2009. № 9. S. 25—32.

9. *Polterovich V.M., Popov V.V., Tonis A.S.* Koncentraciya dohodov, nestabil'nost' demokratii i ekonomicheskij rost // Ekonomika i matematicheskie metody. 2009. T. 45, № 1. S. 15—29.

10. *Poplavskij M.A.* Korrupciya kak social'naya problema // Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2016. T. 16, № 3. S. 304—306.

11. *Selihov N.V.* Korrupciya v gosudarstvennom mekhanizme sovremennoj Rossii (teoreticheskie aspekty): Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2001.

12. *Fedorkin N.S.* Politicheskaya kul'tura i korrupciya: Grani sovmestimosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. 2008. № 3. S. 35—47.

13. *Shabalin V.A.* Politika i prestupnost' // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 4. S. 43—53.

14. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka / Pod red. N.M. SHanskogo. T. 2, vyp. 8. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1982.